

Западно-европейская критика о Пушкине

Восприятие и оценка русской и специально пушкинской поэзии в Западной Европе представляет, разумеется, большой интерес и значение. Однако знакомство Западной Европы с русской литературой и, в частности, с Пушкиным еще совершенно не изучено, и даже материалы к его изучению не подготовлены. Настоящая статья представляет поэтому только первоначальный результат обследования материалов, ограниченный годом смерти поэта (1837 г.) и далеко еще не полный.

Ходячая для европейской ученой среды XIX в. формула *Rossica non leguntur* («русские книги недостойны чтения») имела силу тем более в отношении русской художественной литературы. Только очень незначительное число людей в Европе в первой половине прошедшего столетия могло читать ее. Неудивительно потому, что отзывы о ней появляются очень поздно, и, прежде всего, со стороны переводчиков, рекомендующих свои труды читателям, или русских же. Да и вообще отзывы, сделанные на основе отдельных и случайных переводов русских произведений, естественно, редко могли возвышаться до историко-литературного понимания и чаще всего ограничивались непосредственно эстетической, иногда сравнительно-литературной оценкой.

Следует отметить, впрочем, что переводы появляются уже очень рано и к пушкинской эпохе достигают значительного охвата. Начиная с немецкого перевода оды Третьяковского на взятие Данцига (1734 г., СПб), французского перевода панегирика Петру Ломоносова (1755 г., СПб), переводов трагедии Сумарокова «Синав и Трувор» (франц., 1751 г., СПб), «Семира» (нем., 1762 г., франц., без года, СПб), «Цефал и Прокрида» (франц., 1755 г., СПб), «Мстислав» (польск., 1788, Варшава), собрания пьес (2 тома, франц., Париж, 1801), «Дмитрия Самозванца» (англ., 1806, Лондон, и польск., 1821, Вильно), число переводов все растет, причем хотя и продолжается издание переводов в самой России, первоначально преобладающее, но оно занимает уже немного места сравнительно с заграничными. Естественно, например, что оды и послания графа Хвостова, знаменитого пародиями и насмешками Пушкина, все издаются в Петербурге и, несомненно, на его собственный счет.

Переводить произведения Пушкина начинают рано, но чрезвычайно замедленными темпами.

Первым, повидимому, появился французский перевод отрывка из 1-й песни «Руслана» в «Anthologie russe» Дюпре де Сен-Мора (Париж, 1823 г.). В том же году вышел немецкий перевод «Кавказского пленника» А. Е. Вульфберта¹ (СПБ, 1823 г.), переизданный в следующем году Ольдекопом под русским заглавием и с русским текстом². Затем последовали: шведский перевод «Пленника» (Або, 1825 г.); польский «Бахчисарайского фонтана» (Вильно, 1826 г.); немецкий (того же Вульфберта, СПБ, 1826 г.); французский (Шопена, Париж, 1826 г.) и польский «Пленника» (Варшава, 1828 г.); французский той же поэмы, сделанный Рогье³ в Нанси («Mercure de France», 5 и 12 янв. 1828 г., т. 20, стр. 15—21 и 70—75, рядом со стихотворением Ламартина и критической статьей Гюго); польский «Фонтана» (Варшава, 1828 г., переиздан также в 1834 г.) и «Цыган» (там же, без года); английский отрывков из «Руслана», «Пленника» и «Разбойников» (National Review, 1828 г.); французский «Цыган» (в московском Bulletin du Nord, 1829 г., I) и «Фонтана» (неким Л. Репсел, М. 1830 г.); немецкий «Бориса Годунова» (Ревель, 1831 г.); «Клеветникам России» (без года и места); английский отрывок из «Полтавы» (в Foreign Quarterly Review, 1832 г.); немецкий 1-й и 2-й песен «Руслана» (М., 1833 г.); польский «Полтавы» (Варшава, 1834 г.); итальянский «Пленника» (Одесса, Неаполь, 1834 г.); французский «Выстрела» (г-жей Олешкович в «Panorama litteraire de l'Europe», 1834, 1); английский «Черной шали» и песни Заремы, сделанный Дж. Борроу⁴ (СПБ, 1835 г.), и «Талисмана» и «Русалки» (им же, в том же году); французский «Талисмана» (Париж, без года); итальянский «Пленника» (Одесса, 1836 г.); французский прозаический «Цыган» (г-жей Конрад в Revue des états du Nord, 1836 г. № 6) и отрывков из «Полтавы» (ее же, там же, 1837 г., № 1).

Вот, примерно, все, что появилось при жизни Пушкина в Западной Европе⁵.

Переводы появляются с 1823 г., и почти исключительно поэм, больше всего «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана» («Полтава» переведена только на польский и частью и прозой, как и «Онегин»), из стихотворений только «Талисман» (по-франц. и англ.) и «Черная шаль» и «Русалка» (по-англ.); кроме этого стихотворения на английском не появилось ничего; «Годунов» — только в немецком переводе. Эта неполнота объясняется, вероятно, трудностями стихотворного перевода. Тем же,

¹ Этот Вульфберт состоял в какой-то должности при лютеранском епископе в СПБ. Он поднес свой перевод императрице и в благодарность получил золотые часы.

² Это было довольно откровенной контрафакцией, и Пушкин резко протестовал против такого «ольдекопствования» и даже обращался с официальной жалобой, но удовлетворения не получил.

³ Шарль Рогье был сыном французского эмигранта и русской, Пелагеи Есиповой, и, повидимому, родился и вырос в России. Свой перевод он читал в 1827 г. в Академии в Нанси.

⁴ Джон Борроу (Borrow) жил в Петербурге в 1833—1835 гг. в качестве представителя Библийского общества и, повидимому, встречался с Пушкиным. Во всяком случае он был горячим его поклонником и неоднократно упоминает (о нем в своих многочисленных сочинениях).

⁵ Кое-какие переводы в журналах (далеко не полностью имеющихся в библиотеках Ленинграда) наверное остались неразысканными.

вероятно, объясняется и то, что собственно за границей появились только французский перевод «Бахчисарайского фонтана» и итальянский «Кавказского пленника». Если сопоставить с этим, что Дмитриев переводился всего 5 раз (все в России) за 17 лет (1813—1830 гг.) и только на французский и польский; Крылов 8 раз (из них 2 за границей), на французский и итальянский; Жуковский 10 (1 раз в Париже) — на французский, польский, немецкий; Баратынский лишь однажды (на французский), только в 1858 г., — то можно признать, что Пушкина переводили все-таки больше всех русских поэтов.

Иное дело проза. Карамзина переводили 35 раз (из них только 6 в России), причем переводили его на французский, немецкий, английский, голландский, шведский, польский, итальянский, датский. Булгарин был почти целиком переведен на польский, французский и немецкий языки, «Выжигин» еще и на шведский, итальянский, голландский, чешский, английский (всего 26 изданий, из них 12 в России). «Юрий Милославский» Загоскина издан был (за 1830—1835 гг.) также по-немецки, польски, французски, английски (трижды), шведски, голландски. Кроме шведского, все эти переводы выходили за границей. Марлинский также часто издавался и переиздавался в 1840 г.; Амалат Бек издан был даже в Нью-Йорке. Между тем проза Пушкина за исключением «Выстрела» не была переведена при его жизни: повести его появились только в 1840 г. (по-немецки), «Дубровский» в 1864 г. (по-французски), «Пиковая Дама» в 1852 г. (по-французски), «Капитанская дочка» в 1843 г. по-датски, в 1847 г. по-чешски, в 1848 г. по-немецки, в 1853 г. по-голландски, в 1854 и 1866 г. по-французски. Пушкин оставался для Европы только поэтом еще много лет после своей смерти, и притом почти исключительно поэтом юности, автором романтических поэм.

I

Для английского читателя Пушкин, как и вообще русская литература, можно сказать, не существовал в течение всего обозреваемого периода. Впервые «Российская антология» — две книжечки, составленные Джоном Баурингом¹ и изданные в 1821 и 1823 гг. в Лондоне, познакомили Англию с образцами русской поэзии. В кратком предисловии к I томику составитель и переводчик скромно заявлял, что целью его не являлось вызвать хвалы по адресу русских поэтов, а «показать в ее различных характерных чертах одну отрасль младенческой литературы необычно-

¹ Bowring (Бауринг), родившийся в 1792 г., был человек незаурядный. Ученик Бентама, он был по тому времени радикален, сотрудничал в левом журнале Westminster Review (с 1824 г. редактор) и был политическим предшественником Кобдена. Обладая необыкновенными способностями к языкам и путешествуя по всей Европе в качестве члена правительственной комиссии для способствования английской внешней торговле, он стремился приобщить английское общество к поэзии народов далеких и неизвестных. Помимо антологии русских поэтов, он издал голландскую антологию (1824 г.), сборник испанской поэзии (1824 г.), образцы польской поэзии (1827 г.), сербского фольклора (1827 г.), венгерской поэзии (1830 г.), чешскую антологию (1832 г.).

венного и могучего народа, и устранить до некоторой степени общее незнакомство, которое господствует в Англии в отношении состояния литературы на севере Европы» (перев. с англ.). Переводчик не дает образцов поэзии Пушкина и даже не упоминает о нем, хотя приводит переводы стихотворений Батюшкова, Дмитриева, Жуковского, Вяземского, и, конечно, не мог не знать о поэте, приобретшем уже большую известность в это время. Вероятно, это умолчание объясняется установкой составителя. «Антология» посвящена императору Александру I — и не без назидательной цели.

«Я был свидетелем того, как переходил от варварства к свету и знанию мощный народ, стремления которого к политическому влиянию и завоеванию были разительнейшими чертами его движения вперед. Это зрелище происходило на моих глазах, и проявления его произвели сильное впечатление на мой ум. Между тем как философия найдет на этих разнообразных страницах много предметов для трезвой мысли, государственный деятель поступит правильно, если изучит тенденции и характер этого источника народного чувства, воды которого распространяются на будущие поколения по обширнейшей империи в мире.

Я насилывал мои чувства, переводя многие военные и воинственные произведения русских поэтов. Но они послужат тому, чтобы показать, как возбуждаются чувства ненависти и недоброжелательства, как жажда произвола и насилия, которую называют «боевым духом» (martial spirit), вползает в сердце народа и подтачивает ум и все благородные чувства. Впрочем, другие поэты достойны высшей и лучшей похвалы: они воспедали более мягкое влияние правды, знания и добра и расширение человеческого благополучия».

При такой установке Бауринг, вероятно, считал невозможным включить в свое собрание острого и страстного поэта.

Небезынтересно отметить, что он считает нужным извинить русскую поэзию за ее узость и однообразие и объясняет это тем, что просвещение в России еще в зачатке, а форма правления мешает умственному развитию и созданию высоких чувств негодования против угнетения и сочувствия угнетенным. Задатки же русских к поэзии он признает превосходными, а русский язык — величественным, звучным и гибким, сочетающим некоторую восточную дикость с европейской строгостью и трезвостью. Английского и французского влияния в русской поэзии он видит меньше, чем немецкого, вообще же, говорит он, «половину ее составляют переводы и подражания, но это и естественно и полезно. По форме русская поэзия стоит на высоте европейской».

Очень хорошо говорит Бауринг о русских народных песнях:

«Они не подлежат критике, они выше ее. — Я не прошу для них восхищения: они составляют радость миллионов. Слава Илиады ничто перед ними».

По его словам, критика хорошо отнеслась к I томику. Вероятно именно его энтузиазму Англия обязана и перепечатке в его «Вестминстерском обозрении» обзора Ал. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России», помещенного в «Полярной звезде» на 1823 г.,

которая и дала, повидимому, впервые представление о русской литературе английскому читателю¹.

Характерно, что *Edinburgh Review*, самый серьезный английский критический журнал, отозвался на «Антологию» Бауринга только в 1831 г. (т. 52, № 103, окт.-дек. 1830, стр. 322) заодно с прочими книгами его переводов, вышедшими к этому времени, а знаменитый соперник его, *Quarterly Review*, и совсем не откликнулся — может быть не желал поддерживать издания редактора враждебного ему радикального журнала («Квартальное обозрение» было органом консервативной партии).

Отзыв «Эдинбургского обозрения» подкрепляет впечатление, внушаемое предисловием Бауринга, что Англия до этого даже не подозревала, что в России есть какая-нибудь художественная литература. А в это время Пушкин, после блистательной 15-летней поэтической карьеры, уже склонялся к прозе!

Интерес, которой возбудили образцы русских поэтов, был в значительной степени интересом удивления — от открытия, что в стране, голоса которой не было слышно среди европейских держав до Петра Великого, выросла, почти с внезапностью метеора, поэтическая литература, не обнаруживающая следов своего варварского происхождения, больше того, — обладающая теми самыми качествами, которые обычно связаны с давно развившейся литературой, — легкая, грациозная, скорее ровная, нежели поражающая своими красотами столько же, сколько недостатками; нравственная, дидактическая, нежная или сатирическая более, нежели описательная, боевая или мистическая; короче говоря, настолько мало гиперборейская в общем, что, если бы не кое-какие отдельные национальные черты, придающие ей несколько отличительный своеобразный характер, нам трудно было бы поверить, что нечто столь изящное и отшлифованное могло быть доставлено нам с диких берегов Дона или Волги.

Впрочем, рецензент (анонимный, как было принято в этих критических обозрениях) принимал во внимание, вслед за Баурингом, по необходимости узкий кругозор русской поэзии и отдавал должное «таким людям, как Державин, Ломоносов и Жуковский».

«В особенности баллада последнего «Катерина» — дикая и призрачная, подобно «Леноре» Бюргера, но национальная во всех своих картинах и ассоциациях, вряд ли теряет она при сравнении с своим германским прототипом».

Таково было впечатление, произведенное в Англии первой встречей с русской поэзией. Имя Пушкина появляется в английской печати впервые, повидимому, в «Универсальном обозрении» (*The Universal Review*) 1825 г. (т. II, № 6, стр. 692), в кратком отзыве на II том немецких переводов русских поэтов, вышедший в Риге с краткими биографическими сведениями. Рецензент упоминает здесь в качестве поэтов, «более или менее достойных» Ломоносова, Сумарова (т. е. Сумарокова),

¹ Статья Бестужева была перепечатана также и в немецкой «С.-Петербургской газете» (*St. Petersburg Zeitung*), откуда заимствовал данные о Пушкине и других русских писателях Энциклопедический словарь (*Conversations Lexicon*) Брокгауза, 1825 г.

Державина, Пушкина и Диницева (т. е. Дмитриева). О Пушкине говорится, что он «родился в Петербурге в 1799 г. и написал несколько хороших романтических вещей».

Интересен обзор русских альманахов в журнале «Иностранное квартальное обозрение» («Foreign Quarterly Review»), XVI, № 32, 1826, стр. 445: «Русские альманахи и литературные календари (pocket-books)». Рецензия характерна тем же чувством изумления перед успехами русской литературы.

«В то самое время, когда мы изумлялись открытию, что русские начали заниматься литературой (имеются в виду отзывы об Антологии Байринга), они переняли от немцев вид издания, принятый тогда же и нами».

Констатируя, что «Полярная звезда», как и английская «Незабудка» (Forget me not, вышедшие в одном году), стали родоначальниками обширного потомства, автор вынужден признать, что русские альманахи не уступают немецким и английским в многочисленности и превосходят их в разнообразии как в отношении специализации жанров, так и по разнообразию содержания в изданиях общего типа. В особенности одобряет он критические годовые обзоры, которые считает оригинальной и ценной чертой русских журналов. Он сообщает при этом печальную судьбу издателей «Полярной звезды» — Рыльева и Бестужева.

С тем же изумлением сообщал этот журнал — в статье «Современное состояние искусства в России» (за 1837 г., т. XXI, № 5, стр. 328, 1838 г.), посвященной «Художественной газете за 1837 год» Кукольника — о существовании в России специального художественного издания, и притом имеющего такой успех, что все номера его за предыдущий год оказались давно распроданными и раздобыть их было невозможно. Между тем в Англии все попытки обеспечить подобное издание кончались неизбежно провалом.

Повидимому, незамеченной серьезной критикой осталась книжка У. Саундерса «Поэтические переводы с русского языка» Лондон, 1826 г.¹, содержащая переводы «Ермака» Дмитриева, «Певца в стане русских воинов», отрывков из «Россиады» и четырех басен Крылова. Переводы не сопровождаются никакими замечаниями.

В 1828 г. «Национальное обозрение» (National Review) поместило обстоятельное извлечение из книги Греча «Опыт краткой истории русской литературы» (стр. 279—309), где уделено место и Пушкину. Здесь упоминаются «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Разбойники», «Цыгане», первые две главы «Онегина», «Борис Годунов» и приводятся в переводе отрывки из первых трех поэм. «Еще совсем молодым Пушкин дал доказательство своего дарования как описательного, так и повествовательного, сочетал живость и легкость изложения с юднем фантазии, и получил титул северного Ариосто» (речь идет о «Руслане»). Но «Бахчисарайский фонтан» стоит выше по красноречию и глубине чувства. В «Цыганах» и «Разбойниках» от-

¹ Poetical Translations from the russia language. By William Henry Saunders. Автор именует себя капитаном гвардии (сапером) русской службы и книжку посвятил (Николаю I, предпослав переводам собственное посвяtitельное стихотворение.

мечаются отдельные сцены, полные чувства и силы. Любопытно, что «плодовитость» Пушкина вызывает сожаление в рецензенте, который опасается поверхностности и небрежности в манере поэта.

Только в 1832 г. появляется, наконец, в английской критической литературе серьезная и обстоятельная статья, посвященная русской литературе,— рецензия на русское издание «Полтавы» Пушкина (СПБ, 1829 г.), обзорающая все творчество поэта. Она помещена в Иностранном Обзоре («Foreign Quarterly Review», т IX, № 18, стр. 398—418). Приводим ее в сокращенном извлечении.

«Сказать, что Пушкин приобрел европейскую репутацию не только значило бы утвердить слишком много, но и могло бы возбудить ожидания, которых не оправдали бы ни наши заявления, ни все, что мы могли бы привести из его произведений. Поскольку, однако, уже известность имени дает право на отличие, русский поэт может претендовать на европейское имя, в качестве представителя и вождя современной поэтической литературы своей страны в глазах иностранной критики. Даже для английских ушей имя Александра Пушкина, если не очень знакомо, то и не совсем чуждо, так как некоторые из его произведений время от времени упоминались в некоторых журналах. Но до сих пор о них говорилось очень бегло.

Сотрапевственники Пушкина называют его русским Байроном¹ — название слишком лестное, если хотят этим внушить, что его поэтические силы равны мощи английского певца, и неслучное, если говорят только о внешнем сходстве манеры. Последнее в Пушкине бесспорно. Это не значит, что он только подражатель, лишенный собственного своеобразия. Далеко нет. Он, конечно, взял Байрона за образец и выработал на нем свой стиль и способ трактовки сюжета, не говоря уже о том, что он следовал его жанру. Но, хотя мы хотели бы, чтобы Пушкин меньше напоминал нам Байрона, мы видим в его произведениях достаточно драгоценных признаков неоспоримого гения и мастерства. Если учесть различие природы и законов языка, то можно сказать, что если бы Байрон писал по-русски, то он писал бы, как Пушкин.

Стиль повествования у Пушкина несомненно байронический, то графически наглядный и лирический, то быстрый и скатый, больше намекающий на события и обстоятельства, чем излагающий их, то задерживающийся на частностях, но всегда поэтически выразительный и рельефный. Самое повествование у него, это — почти отрывочные эпизоды, вставные сцены и положения, отдельные моменты. Но они наделены жизнью, одушевлением и силой, дарованными им талантом и искусством поэта. Самая скудость сюжетного содержания в некоторой степени усиливает наше восхищение, обнаруживая, как ничтожен внешний материал, которым располагал Пушкин. Однако вместе с тем приходится констатировать чувство неудовлетворенности узким кругом, в котором он себя ограничивает вместо того чтобы расширить свои

¹ Этот титул не впервые появляется в английской печати. Пушкин именуется (так уже в записках капитана Фрэнкленда (Narrative of a tour in т. д.) о пребывании его в России, изданных в начале 1832 г.; еще раньше так именуется Пушкина некий Рэйкс в письмах 1829 г. (опубликованных в 1838 г.).

интересы и посвятить свое дарование темам, которые дали бы ему больше полета, содержательности и силы. Как бы ни было совершенно искусство ювелирной вещи, оно не может произвести глубокого и полного впечатления.

Подобно «Гяуру», «Осаде Коринфа», «Мазепе» и другим произведениям Байрона этого жанра, произведения русского поэта не имеют ничего эпического в композиции. Столь же мало принадлежат они к жанру баллады или стихотворной повести. Они имеют скорее драматический характер, так как наиболее разительные их части обычно облечены у него в форму монологов и диалогов, между тем как повествовательные части почти всегда обнаруживают сильную лирическую тенденцию и позволяют автору внезапные переходы, свободное, ускоренное движение и живую энергию мысли и выражения, отличающие лирический гений.

В сатире Пушкин также следует Байрону. Подобно ему он захотел обратить свою гибкую музу к сатирической повести. Но его «Онегин» бесспорно значительно ниже, чем «Беппо» и «Дон-Жуан». Пушкин гениален в живописном, романтическом и страстном стиле; шутливый персифляж и беспощадная язвительность ему мало свойственны. Поэтому «Онегин» не имеет той блестящей и едкой остроты, которой отличаются произведения Байрона. Нет в русском «Беппо» и той необычной и притягательной игры звуками речи, которые усиливают юмор и блеск подлинного. Напротив, «Онегин» замечателен скорее спокойной непринужденностью и не претендует на остроумие, «на случай», составляющее характерную черту дерзкой музы Байрона.

Пушкин сыграл большую роль в истории русской литературы тем, что отклонил ее от привязанности к французским образцам, уже старомодным, и обновил творческую и критическую мысль русских литераторов. В глазах своих соотечественников и за границы он является не только первым поэтом России, но и основателем новой школы, стоящей ближе к современному европейскому уровню.

Уже в лицейских стихотворениях, а затем в «Послании к Овидию», «Триумфе Вакха», «Гробнице Анакреона», «Русалке» он проявляет истинно поэтическое воображение, чувство и темперамент. Но когда он пробует себя в более возвышенном жанре, как в юде «Наполеон», он разочаровывается, оказываясь ниже Ломоносова и Державина. Тогда как они изумляют силой воображения, смелостью лирического полета, богатством *verba ardentia* (пламенных выражений) и *fulmina* (молний) поэтического языка, Пушкин едва поднимается над средним уровнем речи.

Но слава Пушкина создалась не на этих произведениях. Его поэтическая карьера датируется с появления «Руслана и Людмилы», прелестной легендарной повести в шести песнях, которую русская публика приветствовала, как звезду необычайной красоты на поэтическом горизонте. Хотя и не совсем так правильно говорить о необыкновенно раннем создании этой поэмы — автору в это время шел 21-й год, — но справедливость требует признать, что не многие литературные произведения равного достоинства и с подобным успехом были созданы в этом воз-

расте. К тому же в ней не заметно признаков молодого дарования, неопытного в искусстве и жизни. Она отмечена такой грацией, легкостью и отшлифованностью стиля, таким искусством повествования, таким блеском, такой соразмерностью и вкусом, которые никак не вяжутся с юностью.

Сюжет «Руслана и Людмилы» сам по себе не очень интересен для европейского читателя — сказочный, иногда наивный или гротесковый, но в нем есть очарование, которое пленяет и захватывает. Первые почитатели Пушкина хотели видеть в нем русского Ариосто, но Пушкин не пошел по этому, пути. И, конечно, в наше время трудно об этом жалеть.

Следующие поэмы представляют отрывочные положения без плана, с едва намеченными контурами двух-трех характеров. Переход от «Руслана» к «Кавказскому пленнику» разителен. Здесь — действие одних чувств, одних движений человеческого сердца. Читатель не должен здесь требовать истории, географии, обстановки. Все дело здесь — в богатстве воображения, пылкости и мастерстве поэта. Обычно в таких случаях не бывает середины между сильным возбуждением и пресностью, ибо только темперамент поэта, яркие образы и искусство способны захватить читателя. Пушкинские поэмы таковы, но множество подражаний им, появившихся в России, не имеют ни малейшей ценности.

Пушкин, подобно Байрону, в этих поэмах любит и умеет внушать читателю больше, чем он высказывает. Эту недоговоренность он заводит подчас даже чересчур далеко, оставляя нас в сомнении, правильно ли мы понимаем, что он хочет сказать. Иногда нельзя даже удержаться от подозрения, что порой этот более, нежели спартанский, лаконизм явился результатом неспособности заполнить разрыв между положениями. Например, в пассаже гибели черкешенки получается смелая пустота, которая не возмещается прелестью языка. Как это не похоже на описание смерти Зулейки в «Абидосской невесте», где живописная сила образов и выразительные черты ситуации создают такой мощный патетический эффект! «Бахчисарайский фонтан» несколько более одушевлен и содержательнее в своем сюжете и характеры — которых здесь уже три — очерчены более живо и полно. Эта поэма принесла Пушкину и материальный успех, так как издатель Пономарев заплатил ему за нее 3 000 рублей, хотя в ней всего 600 строк, — что беспрецедентный для русского поэта гонорар. Главная прелесть и ценность «Цыган», следующей поэмы Пушкина, — в свежести колорита в описаниях и в смелой, хотя и поспешной характеристике. Драматическая тенденция здесь берет верх до того, что повествование просто переходит в сценический монолог с указанием действующих лиц и ремарками. Получается нечто вроде идиллии. Содержательность и внутренняя красота поэмы усиливаются моральной идеей, вложенной в нее Пушкиным.

Последняя поэма Пушкина «Полтава», — потому что «Онегин» еще не закончен и мы о нем особо говорить не будем — в некоторых отношениях выше предыдущих, хотя она и не получила, по видимому, такого признания, как те. Композиция ее продуманнее и удачнее, чем можно было ожидать от Пушкина. И по исполнению эта вещь пре-

Гравюра из французского издания поэмы «Бахчисарайский фонтан» (Изд. Дюней Дюпре, Париж, 1826 г.)

восходна. В ней имеется волнующий сюжетный интерес. Стиль ее живой, графически выразительный, разнообразный по колориту. В ней есть страстная, смелая выразительность, свойственная зрелому мастеру подлинно драматических диалогов, высокого мастерства в подробностях и характеристике».

Разбор поэм сопровождается примерами в стихотворных переводах, интересными более трех страниц. Статья заканчивается пожеланием, чтобы поэт взялся за большую, серьезную тему, достойную его гения.

Конец статьи посвящен Рылеву, поэма которого «Войнаровский» также оценивается, как байроническая. Автору этой рецензии принадлежит,

повидимому, и обзор русских альманахов, цитированный выше, и, несомненно, отзыв о «Художественной газете», так как в последнем он ссылается на эту статью. Он, несомненно, был достаточно осведомлен о русской литературе, следил за ней и собирал ее, так как в этом же отзыве упоминает недостаточное внимание, уделенное писателям (а также художникам и артистам) в «Словаре достопамятных людей» Бантыш-Каменского, упрекая его за отсутствие в нем таких имен, как Богданович, Хемницер, Фонвизин, Подшивалов, Херасков. Знает он и книгу Ваземского о Фонвизине, и романы Загоскина, которого он называет стоящим намного выше прочих подражателей Вальтер Скотта, и повести Одоевского, Гоголя и Павлова.

Наконец, по поводу заметки в «Художественной газете» о портретах Пушкина он в том же отзыве, в примечании (статья, очевидно, была уже набрана) поместил сообщение о смерти Пушкина.

«Этот чрезвычайно популярный поэт был убит на дуэли в начале настоящего (1837) года, и таким образом скошен в раннем возрасте 37 лет — поре жизни, когда он мог надеяться упрочить свою славу законченным литературным произведением, достойным его дарования».

2

Культурные связи России с Францией были неизменно глубже, французов (в особенности со времени французской революции 1789 г.) жило в России гораздо больше и русские чаще бывали в Париже. Как можно усмотреть из примеров, приведенных в начале статьи, переводов русских писателей на французский язык было значительное количество. Тем не менее, знакомство с русской литературой пушкинской эпохи было и во Франции не многим более основательное, чем в Англии.

Однако во Францию имя Пушкина проникает раньше, чем переводы его произведений. Первым упоминанием, повидимому, является заметка в «Энциклопедическом обозрении» (*Revue encyclopédique*)¹, т. IX, 1821 г. в январской книжке (стр. 382), в отделе литературных известий из Петербурга. После сообщения о том, что Карамзин работает над IX томом своей «Истории», сообщается под рубрикой «Поэзия»:

«Одно произведение, недавно опубликованное в этом городе, сосредоточило на себе внимание всех друзей литературы: это романтическая поэма в десяти² песнях, под заглавием «Руслан и Людмила». Автор его, господин Пушкин (*Pouchkin*), бывший воспитанник Царскосельского лицея и состоящий в настоящее время при генерал-губернаторе Бессарабии, имеет всего 22 года. Эта поэма создана из народных сказок о временах великого князя Владимира; она исполнена перворазрядных красот; стиль ее то энергичный, то нежный, но всегда изящный и чистый и позволяет читать о его молодом авторе самые большие надежды».

Эта заметка важна как показатель необычайного успеха, который имела первая поэма Пушкина.

¹ Редактором этого журнала был Эме Эро (Héreau), а соредактором С. Д. Полторацкий.

² Может быть опечатка: dix вместо six.

Гравюра на меди Е. Вирольта из французского издания поэмы «Гавриилиада» (1928 г.)

В следующем году, в том же журнале (т. XVI, 1822 г. октябрь, стр. 118 и сл.) в обзоре о «Сыне отечества» за 1812—1822 гг. говорится:

«В этом журнале встречаешь произведения Жуковского, ученика и соперника Гете и Шиллера; Батюшкова, волшебная лира которого напоминает Ариосто и Петрарку; Крылова, русского Лафонтена; князя Вяземского, стихотворения которого блещут остроумием; Гнедича — переводчика Илиады; Давыдова, посвятившего свою музу любви, Вагху и славе русского юружия; Милонова, Ювенала России, покищенного у муз в прошлом году; Лобанова, достойного переводчика Расина; Ф. Глинки, поэта-философа и друга человечества; Хмельницкого, замечательного в своих комедиях, подражающих лучшим иностранным писателям; Баратынского, Грибоедова, Михаила Дмитриева, Плетнева, Норова, Олина, Писарева,

Папаева и, наконец, Александра Пушкина, юного питомца Аполлона, автора поэмы «Руслан и Людмила» (см. т. IX, стр. 382), оды на Вольность, полной одушевления (*veuve*), поэзии и высоких идей; и прелестной пьесы в стихах, озаглавленной «Деревня», в которой после прелестной и верной картины красот природы и сельских удовольствий, он плачется о печальных действиях рабства и дикости, выражая в стихах, полных силы и энергии, сладостную надежду на светлую зарю свободы для своей родины. Эти два произведения, оставшиеся неизданными, являются поводом преследования правительства против этого молодого поэта, сосланного в Бессарабию».

Пушкину уделено здесь столько же места, сколько всем прочим русским поэтам вместе взятым. И знаменательно, что наряду с поэмой «Руслан и Людмила» упоминаются именно «Ода на Вольность» и «Деревня», которые могли стать известными рецензенту только в рукописи. Освободительные симпатии рецензента очевидны. Принадлежность ему же и первой заметки очень вероятна. Автор этой рецензии, вероятно, русский; возможно, что это Мельгунов, находившийся тогда в Париже. В 1823 г. появляется и первая французская «Российская антология» некоего Дюпрэ де Сен Мора¹. В предисловии он называет произведения, которые переводит, — «замечательными» и авторов их — приносящими честь России. Он отзывается так же лестно о русском языке.

«Русский язык так гармоничен, он располагает такими счастливыми и смелыми возможностями в своих оборотах, таким обилием составных слов, такими имитативными красотами, что я часто испытывал недостаточность нашего языка, чтобы передать грацию и силу оригинала».

По поводу элегии Олина, обращенной к «незабвенной памяти жены», он восхищается выражением «незабвенный», которое он вынужден перевести пятью французскими словами².

В кратком очерке о русской литературе он перечисляет многих поэтов того времени, вплоть до Ф. Глинки, Шихматова, Олина, Баратынского и даже княжну Урусову, барышню Свиных и пр. Из поэтов пушкинской поры он помещает в переводе: Дмитриева («Ермак»), Батюшкова («Умиравший Тасс»), В. Л. Пушкина («Прощанье с молодостью»), Жуковского («Светлана»), Гнедича (из «Рождения Гомера» и «Два рыбака»), А. Пушкина (из «Руслана и Людмилы» — рассказ Финна), Воейкова

¹ *Anthologie russe*, par E. Dupré de Saint Maure, Paris, 1823, вышла в том же году в большом издании (кварто) и малом (октаво). Составителю принадлежит также книжка сатирических стихов *Hier et au'jourdui* («Вчера и сегодня»), Париж, 1819 г. и две книжки о России *L'hermite en Russie, ou observation sur les moeurs et les usages russes au commencement XIX siecle* («Отшельник в России, или наблюдения русских нравов и обычаев в начале XIX века») 3 тома, Париж, 1829, и «*Petersbourg, Moscou et les provinces*» («Петербург, Москва и провинция») с тем же подзаголовком, — 3 тома, Париж, 1830 г. Из предисловия явствует, что автор провел 4 года в России (непосредственно перед изданием антологии) и лично знал поэтов, которых переводил, пользуясь их советами.

² Отметим кстати, что в очерке Сенковского, *Неизвестный* («*L'Inconnu*») в *Revue des états du Nord*, II, 1836, стр. 595, приводится этот же пример с буквально теми же соображениями.

Литография К. Ворт к немецкому изданию повести «Пиковая дама». (Изд. С. Бухенау и А. Хегер, Мюнхен, 1923 г.)

(«Послание»), Давыдова («Песня старого гусара»), Крылова (басни). Переводы сопровождаются краткими биографическими заметками.

О Пушкине говорится в предисловии (стр. XXII):

«Два жанра поэзии ускользнули от северных муз: баллада и героико-комическая поэма. Первый был культивирован Жуковским, второй Александром Пушкиным. Произведения этих двух писателей увенчались самым блестящим успехом; это образцы грации, гармонии и изящества стиля. Поэма «Руслан и Людмила» — новое доказательство тому, что северное небо также способно побуждать к расцвету поэтические вымыслы, сияющие всем блеском воображения живого и богатого. Создания Пушкина часто напоминают очарование изобретательных безумств Аристо, и читая «Людмилу», можно воскликнуть с Вольтером: «Не климат создает людей, как они есть». В биографической заметке о Пушкине, помимо кратких внешних данных, говорится:

«Талант этого молодого поэта заявил себя несколькими одами и посланиями, напечатанными в журналах; но произведением, которое в особенности сосредоточило на нем внимание всех любителей литературы в России, является его поэма в шести песнях «Руслан и Людмила». Это произведение отличается воображением столь же блестящим, сколь и богатым; пикантными ситуациями, счастливым сочетанием безрассудства с разумом, веселости с чувством и, прежде всего, поэтическими красками и правильностью стиля, поистине необыкновенной для столь молодой музы.

«Кавказский пленник», новая поэма Пушкина, только что опубликован-

ная, делает не меньше чести дарованию этого поэта, чем его первое произведение, хотя она имеет меньшие размеры».

В 1826 г. издан был в Париже французский перевод «Бахчисарайского фонтана», но в предисловии переводчик (Шопен)¹, ссылаясь на «благоприятные суждения нескольких отличных критиков» о произведениях Пушкина, ограничивается только краткой характеристикой:

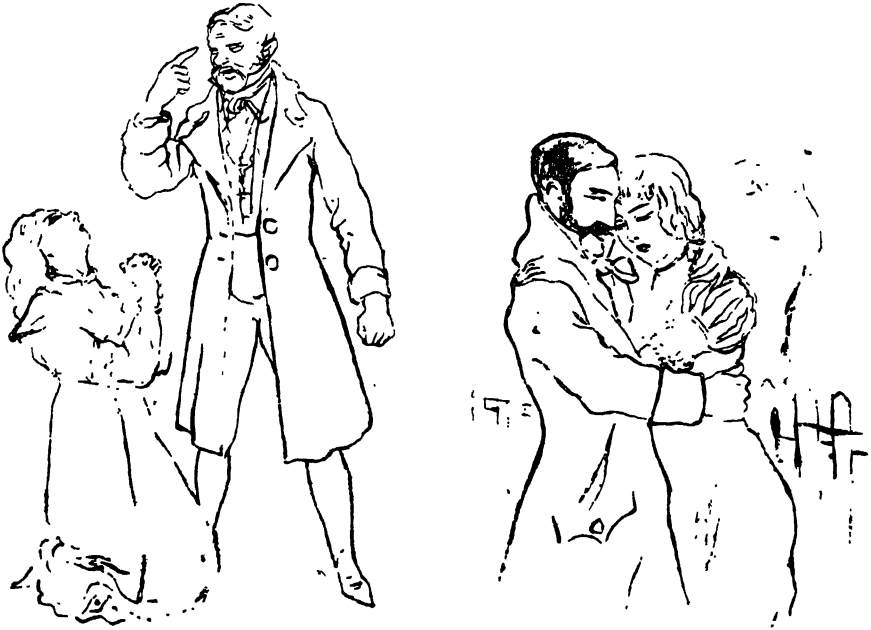
«Чистота этого поэта, прелесть воображения, его молодость, его независимый характер и своеобразие привлекают внимание всех его соотечественников».

На этот перевод «Энциклопедическое обозрение» откликнулось рецензией Э. Эро (том XXX, 1826 г.).

«Молодой лирический поэт, с произведением которого господин Шопен попытался нас познакомить, представляет самую дорогую надежду русского Парнаса, который может с гордостью противопоставить его самым выдающимся современным поэтам других народов Европы. Родившийся 26 мая 1799 г. в Санкт-Петербурге, Александр Пушкин получил известность уже в возрасте 15-ти лет стихотворениями, обещавшими все, что его муза сдержала впоследствии. Литературные журналы обогатились его одами и его посланиями. Но произведением, которое в особенности сосредоточило на нем внимание всех друзей литературы в России, является его поэма «Руслан и Людмила», которая, по отзыву самых просвещенных судей, соединяет с достоинствами воображения, столь же богатого, сколько шового, пикантные ситуации, счастливое сочетание сумасбродства и разума, веселости и чувства, и особенно поэтический колорит, поистине необыкновенный в поэте столь юном. Вслед затем «Кавказский пленник» придал новую славу имени господина Пушкина, который напоследок (в 1821 г.) издал «Фонтан Бахчисарая» (по-русски «Бахчисарайский фонтан»), возвещенный в «Энциклопедическом обозрении» (см. т. XXIII, стр. 643). Оригинал этой поэмы у нас перед глазами и мы должны сознаться, что мы им не столь удовлетворены, как мы этого ожидали бы. Автор слышит у своих соотечественников романтическим поэтом, и, к несчастью, в России, как и во Франции, если это слово еще не получило достаточного определения, по крайней мере по своему рода молчаливому убеждению его как будто прилагают ко всем произведениям, которые носят отпечаток слишком большой свободы стиля или идеи и образы которых оставляют впечатление неясного и темного в уме читателя. Действительно, в этом главный недостаток, который мы заметили в последней поэме господина Пушкина, в которой отсутствие переходов не раз сбивало с пути наше внимание и наше понимание.

Только детали поэмы, многие из которых очаровательны, могли побудить господина Шопена предпринять труд, за который автор должен быть ему столь же благодарен, как и мы».

* Chopin, брат знаменитого пианиста и композитора, был секретарем русского посла в Париже кн. Куракина. Ему принадлежит также историческое и географическое описание России в двух томах, 1838 г. Он был в Петербурге, повидимому с 1814 по 1824 г. Переводчик озаглавил поэму «Фонтан слез», «чтобы не оскорбить наших европейских привычек татарским именем».

Литографии Р. Шлихтер к немецкому изданию повести «Дубровский». (Изд. «Орхис-Ферлаг», Мюнхен, 1923 г.)

Эро цитирует для подтверждения достоинств перевода кусок поэмы («Однообразен каждый день» и т. д.), в котором, впрочем, признает, что «Русский поэт сам поднялся на большую высоту».

В том же году появилась обширная статья (анонимная) Бахтина «Взгляд на историю славянского языка и на движение (*marche progressive*) цивилизации и литературы в России», составляющая 8-ую главу «Введения к Этнографическому атласу земного шара» Адриана Бальби¹ (стр. 322 сл.). Автор очень строго судит русскую литературу, признавая, что новое направление карамзинской школы, отказавшись от естественного источника русского языка — церковно-славянского и внося множество заимствований, лишило язык его первоначальной чистоты и строгости, а культивированием чувствительности привило фальшь и холодность литературе. «Из глубокого забвения, в которое пушили многочисленные представители этой несчастной эпохи», он вызывает только имена Карамзина и Дмитриева. Он приписывает большую роль в возрождении русской литературы реакции, произведенной Шишковым и его последователями. Он говорит о Жуковском:

«Он старается в особенности подражать и переводить немецких и английских поэтов. Это ему Россия обязана романтическим вкусом, который со дня на день делает там новые успехи. Конечно, нельзя

¹ Introduction à l'Atlas Ethnographique du Globe и т. д. par Adrien Balbi; посвящено Александру I.

осуждать этот вкус, но было бы желательнее, чтобы он принял более национальный характер. Истинный романтизм состоит в выборе национальных сюжетов и в применении красок, способных привлечь взоры народа без необходимости предварительно изучить климат, нравы и верования чужих стран. Такова «Светлана», одна из прекраснейших баллад Жуковского. Стиль этого писателя вообще чист, но вследствие своей сжатости он часто темен. Наиболее блестящей стороной его поэзии является описательная; наиболее слабой — страсти, которые плохо согласуются с мистикой, разлитой во всех его произведениях.

Он находит, что Батюшков превосходит Жуковского чистотой стиля и гармоничностью и мягкостью стиха, но что ему недостает силы и — еще более — оригинальности: он подражает то Парни, то Оссиану. Но страсть (*volupté*) и нега, царящие в его стихах, делают их очень пленительными. Лучшим самостоятельным произведением его считается элегия на смерть Тассо. «Мы любим больше некоторые из его переводов» не без яда заключает Бахтин. Вот что он говорит о Пушкине:

«Мы назовем здесь еще одного лирического поэта, Пушкина, который, хотя совсем молодой, создал уже себе имя (*réputation*), затмевающее многих других» (стр. 351).

И дальше:

«Романтические поэмы в жанре поэм Байрона с некоторого времени стали очень модными в России. Мы упомянем только о поэмах молодого Пушкина, который дал первый их образец в своем «Кавказском пленнике». С тех пор он создал их несколько. Они все имеют те же недостатки и те же красоты. Первые, конечно, поражают тем более читателя, чем многочисленнее последние. Легкий, гармонический и полный страсти (*volupté*) стих, верные и поэтические описания — таковы красоты поэзии Пушкина. Недостаток плана и цельности (*ensemble*) и в особенности однообразие чувства и повторение некоторых излюбленных выражений — таковы ее недостатки. Нам тягостно упрекать его здесь за них¹, но, к сожалению, его подражатели вынуждают нас к этому.

Лучшее произведение Пушкина, по нашему, — поэма о Людмиле, сюжет которой извлечен из легендарных преданий времени Владимира, этого Карла Великого России. На этот раз Пушкин имел своим руководителем только несчастный пример знаменитого автора² — пример, который, как маяк, предупреждал его об опасностях, которых следовало избегать. Следует пожалеть, что Пушкин не сосредоточился дольше на этом жанре, истинно национальном, и что он не домогался имени русского Ариосто.

В следующем году французский писатель Ансло (*Ancelot*) издал книгу о своем пребывании в Петербурге и Москве «*Six mois en Russie*» («Шесть месяцев в России»). Он познакомился со многими русскими литераторами, участвовал на литературном обеде, данному

¹ Очевидно ввиду опального положения Пушкина.

² Имеется в виду, повидимому, Вольтер.

Рисунок В. Вульфсона к немецкому изданию «Путешествие в Арзум».
(Изд. «Аксель Юнкер», Берлин. 1919 г.)

Гречем. Его, очевидно, ознакомили с различными произведениями русской поэзии (в переводе). Он даже сумел раздобыть «неизданный отрывок молодого и несчастного Рылеева» — исповедь Наливайки, а также «Кинжал» Пушкина. Он также говорит о подражательности русской литературы.

Приводя прозаический перевод «Светланы», он пишет: «Не находишь ли ты, милый Ксавье, большого искусства в композиции этой баллады, большой прелести в подробностях? Эта поэма, говорят, замечательна изящной простотой и гармонической правильностью стиля; и это качество, драгоценное в поэтах всех народов, чтобы об этом ни говорили наши современные гении¹, должно быть особенно оценено в этой стране, где национальный язык, предоставленный народу, является почти иностранным для высших классов. Когда язык не установился, — а презрение высшего общества будет еще долго препятствовать тому, чтобы русский язык очистился и установился, — трудно и славно писать на нем с мелодической чистотой. Эта слава, которую может требовать себе Жуковский, принадлежит равным образом молодому автору стихотворения, перевод которого я здесь тебе выписываю. Я скажу тебе его имя, когда я тебя опять увижу; но я не должен доверять его бумаге — доверенному, часто нескромному, в России». Следует прозаический перевод «Кинжала», после чего Ансло продолжает:

«Я почитаю себя счастливым, мой друг, что мог познакомить тебя с этими стихами, которые трудно здесь раздобыть, так как автор их не опубликовал, и мне нет надобности указывать почему. Республиканский фанатизм, которым дышит это стихотворение, дикая энергия чувств, которые его вдохновили, показывают, какие идеи вырабатывает в умах многочисленных молодых русских воспитанников, которые они получили, и сношения, ставшие теперь более частыми с различными странами Европы. Дай бог, чтобы мудрость монарха, внесла полезные и осторожные изменения в систему управления, сумела утишить это возбуждение, которое могло бы однажды толкнуть на преступление целое поколение. Эти идеи еще не проникли в народ. Но они захватили в России всех образованных молодых людей, которых занятия привели в соприкосновение с новыми правами и современными учреждениями.

Я не буду распространяться далее о чувствах, которые породили это стихотворение, панегирик убийству, заслуживающий горькая ирония. И, конечно, излишне мне обращать твое внимание на силу, стремительность, энергическую сжатость, которыми оно отличается. Последняя мысль в особенности вызывает мое восхищение: трибунал франкмасонов помещал имя осужденной жертвы на орудие своего мщения; но здесь кинжал — без надписи: он грозит всем тиранам, кто бы они ни были!».

Толкование, которое здесь дается в последних строках стиху «Горит без надписи кинжал» и указание на масонскую символику до сих пор как будто не использовались в комментариях к «Кинжалу».

¹ Разумеется, вероятно, В. Гюго.

Гравюра на дереве К. Мар к немецкому изданию повести «Гробовщик».
(Изд. «Эрих Матес», Лейпциг, 1924 г.)

В том же году появилась в Париже книжка Эген де Герль¹ (Héguin de Guerle) «Les veillées russes» («Русские вечера») с вступительным очерком «Взгляд на русскую литературу». В последнем говорится, что русская литература — самая молодая из всех европейских литератур. «Но она нашла себе образцы для всех жанров у других народов и подражала им с успехом, так что ей не пришлось производить поиски ощупью, ни быть обязанной учиться у дю Барта и Ронсара прежде чем дожидаться Малерба. Поэтому Ломоносов, отец и создатель русской поэзии, остается до сих пор еще одним из значительнейших писателей, которым Россия может гордиться».

Он говорит о русском языке:

«Русский язык, благородный, певучий, мелодичный, имеет к тому же драгоценное преимущество, как итальянский, обладания увеличительными и уменьшительными приставками, мощными пособиями, с помощью которых писатель может придать своей мысли оттенки, выражения самые тонкие. Впрочем, этот прекрасный язык был долгое время презираем высшим русским обществом и отослан в прихожую, на него смотрели, как на plebeins sermo («простонародная речь»), язык лакеев; тогда как немецкий, английский, итальянский и в особенности французский, были одни допущены в салоны Петербурга и Москвы».

Это пишет француз в то время, когда большинство русских, в особенности дам, считало русскую речь грубой, низменной и бедной, непригодной и неприличной для светских разговоров! Он называет Карамзина создателем русской литературной прозы — «благородной без напыщенности и энергичной без неясности». Пушкину он дает также высокую оценку:

«Если Россия не может еще гордиться эпической поэмой, действительно достойной этого имени, то она обладает по крайней мере одним счастливым подражателем Ариосто в лице Александра Пушкина, автора героико-комической поэмы «Руслан и Людмила», которая отличается блестящим вымыслом богатого и смеющегося воображения, часто равняющимся фантазии Ариосто. Пушкин — автор и некоторых других поэм, как «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан». Недавно он опубликовал первую песнь поэмы под заглавием «Онегин», которая внушает читателям живейшее желание видеть это произведение законченным. И когда подумаешь, что автору столько прелестных произведений еще нет 27 лет, каких надежд не возложишь на музу, еще столь молодую и уже вызывающую внимание к ее многочисленным произведениям, благодаря силе замысла, правильности стиля и зрелости вкуса — качества, которых люди наиболее счастливо одаренные поэтически обычно приобретают только в гораздо более старшем возрасте» (стр. 32).

В 1828 г. «Précis de Travaux de la Société du Nancy» (стр. 219), упоминая о чтении Рогье своего перевода «Кавказского пленника», сообщал, что эта повесть в стихах принадлежит молодому русскому поэту, муза которого пользуется среди его соотечественников высокой репутацией, вполне им заслуженной. Сюжет повести, простой, очаро-

¹ Он был преподавателем Лицея Людовика XIV в Париже.

вательный и трогательный; стиль чистый, красноречивый и живой. Описания местности и детали нравов и обычаев черкесов увеличивают достоинства этого интересного произведения.

Только после смерти Пушкина слава его распространяется в Европе, и первый толчок к ней подала именно трагическая смерть его от пули француза. Событие это произвело большой шум в Париже.

Упомянутая уже *Revue des états du Nord* (3-й год, т. V, март, стр. 512) отозвалась на него сочувственным, хотя и не слишком пылким некрологом.

«Русская литература только что потеряла человека, который прославил бы ее более всего. Александр Пушкин, в возрасте едва 37 лет, пал на дуэли. Пушкин мощно способствовал развитию русского языка, который он очистил и обогатил, и независимости русской литературы. Помимо многочисленных поэм — «Цыганы», «Кавказский пленник», «Полтава», «Бахчисарайский фонтан», «Онегин» и др. и трагедии «Борис Годунов», он занимался историческими событиями, между прочим историей Петра Великого. Смерть его произвела в России чрезвычайно болезненное ощущение».

Через 10 лет после гибели поэта французский литератор должен был с горечью констатировать:

«Пушкин пользуется здесь (в России) большой популярностью. Образованные люди восхищаются им и изучают его, мужик (*le moujik*) поет его баллады. Ну, так вот этого поэта неоспоримой силы Европа его не знает. Резонанс его славы вряд ли пошел дальше свиста пули, которая его поразила».

После смерти поэта появляется, наконец, во французской печати обстоятельная статья о Пушкине, одновременно в «*Revue des deux mondes*» (т. XI, стр. 315—372) и в «*Revue universelle*» (т. VI, без подписи)¹. Она начиналась издалека, чтобы подготовить читателя к совершенно неведомой ему области.

«Ломоносов, современник Петра и отец русской поэзии, обнаружил в своих юдах и трагедиях, в которых лирическая форма еще преобладает, как удачно можно использовать славянский язык; заимствуя из него формы, образы, выражения, он без усилия порывлет с прозаическими привычками обыденного языка: древние слова, а часто и таинственная ясность священного языка поддерживают полет его мысли».

При Екатерине II родился большой поэт, всегда оригинальный, всегда он в своих падениях, как и в своих диких красотах, Державин. Вслед за тем Озеров в трагедии, Дмитриев и Крылов в басне, Жуковский в оде и послании приобрели славу, может быть, менее блистательную, но более народную, и т. п.

... Прежде чем говорить о Пушкине-поэте, скажем несколько слов о человеке: о его жизни и характере. Жизнь эта, как и жизнь Байрона, поведение которого он взял себе за образец, долго была кочевой и

¹ По указанию проф. М. П. Алексеева, она принадлежит Шарль Бодье (*Baudier*). Это констатируется в пушкинском номере *Revue de littérature comparée*, 1937 г., № 1, стр. 148.

гонимой, полной страстей и заблуждений, пагубных для его счастья, необходимых, может быть, для его гения. К тому же, эти страсти, эти заблуждения были неизбежным результатом столкновения, которое должно было возникнуть между страной, к которой он принадлежал, и стремлениями необузданной природы. Пылкий приверженец свободы, увлекавшийся либеральными установлениями Европы, которые он желал бы перенести в Россию, переходивший с изумительной легкостью от работы к бездействию, от шума оргий к чисто азиатской лени, неверующий, так как воспитан был насмешливой философией Вольтера и развешающим скептицизмом Байрона, он должен был резко идти наперекор общественным приличиям, которые так строго соблюдает русская аристократия. Такова была судьба Пушкина. Она совершилась... Теперь остается только блистательный и бессмертный лик поэта.

Произведения Пушкина распадаются, естественно, на две большие категории: одну составляют отдельные стихотворения, другую — более крупные произведения. По нашему мнению, первые должны прежде всего привлечь наше внимание. В них гений Пушкина раскрывается свободнее, душа его отражается в них с самых разнообразных сторон, характер вырисовывается с наибольшей искренностью и ясностью. В них видим мы ту независимость мысли, которая навлекла на него несчастье при жизни. Ни перед каким кумиром он не преклонил колен, ничьему покровительству не отдавался; он даже не сочинил ни одного послания, ни разу не подпустил всевышнему самодержцу российскому — и уж, конечно, не потому, что не представлялся случай. Как Овидий, он был сослан; сожалел, как Овидий, об отсутствии всего, что любишь в 20 лет, но не поддался, как Овидий, под руку того, кем был гоним, вымаливая себе прощение в стихах, гармония и прелесть которых едва позволяет забыть их низость. Благородное молчание русского поэта скорее встретило прощение. Нужно упомянуть и о другой, не менее выдающейся черте Пушкина: полном отсутствии религиозного чувства. Как мог он никогда не поднимать глаз к небу, чтобы поклониться ему, как Ламартин или чтобы проклинать его как Байрон? Атеист в своих речах, Пушкин — язычник в своей поэзии, как Анакреонт, как Шенье.

В первых, юношеских опытах он воспроизводил замечательно удачно любовную непринужденность, свежий и изысканный колорит Парни. Позднее Шенье завоевывает его любовь; он подражает ему, переводит, оплакивает его смерть в трогательной элегии. Еще позже он заимствует у Байрона песни, полные горькой печали. Любитель шумных празднеств, где кричат, чтобы забыться, обуреваемый страстями, недолгими, но бурными, он должен был часто испытывать томление чувств, пресыщенных наслаждениями, и отвращение к окружающему, к людям и даже к славе.

Однако Пушкин больше всего приближается к Шенье. Как Шенье, Пушкин исключительно любит прекрасное в природе и искусстве; как он, он посвящает себя культу формы; существо его поэзии и глубина мысли его мало занимает; он заимствует без стеснения у древних и у современников. Искусный резчик, он берет нужный ему слиток золота готовым, не давая себе труда рыть землю, чтобы его добыть;

Гравюра на дереве К. Мар к немецкому изданию повести «Барышня-крестьянка», (Изд. «Эрих Матес», Лейпциг, 1924 г.)

обрабатывает его с изумительным терпением, с тончайшим искусством. Он наудачу перемешивает мотивы шуточные с серьезным или печальным: здесь он оттачивает эпиграмму против неприятного зоила, тут он нашептывает элегию, а дальше рассказывает наивную балладу. Это не путник, спешащий достигнуть цели, это беспечное дитя, которое бродит по равнине, тлядится в ручей, срывает цветоч. Картины природы, боевые клики, песни любви, вздохи страсти и горести, порывы к славе и разочарования — вот темы, которые Пушкин меняет с неистощимым изобилием. То он завидует полной приключений жизни лихого гусаря, который сражается, пирует и поет; то оплакивает преждевременную старость своего сердца, вспоминает могучее пламя, которое его жгло, и слезы, исторгнутые восторгом; то им овладевает мрачное уныние.

Пушкин прежде всего — поэт элегический и описательный. Он не был рожден для драмы. И единственная драма его достаточно доказывает отсутствие у него призвания к сцене. «Борис Годунов» не что иное, как эпизод из русской истории, облеченный в форму диалога. В этой драме Пушкин не ограничивает себя единством времени и места, которым первые русские драматурги Княжнин и Сумароков прикрывали свои недостатки. Он отбросил столь же далеко и современный и блестящий мундир, которым Расин и Вольтер одевают своих героев, какого бы времени, страны и состояния они ни были. Его манера свободнее и смелее. Он внезапно переходит от прозы к ритмической речи, не отступает перед пошлостью, бросает в диалог народные поговорки, и даже французские и немецкие ругательства.

«Борис Годунов» заключает множество красот в подробностях, свидетельствует о добросовестном изучении отечественной истории. Но, желая создать драму, Пушкин не распознал природы и пределов своего дарования. Впрочем, эта ошибка, всегда опасная для писателя, единственная, в которой его можно упрекнуть. «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Евгений Онегин» принадлежат к присущей ему области повествования элегического или описательного.

«Руслан и Людмила» — памятник патриотического интереса русских писателей к народным древностям и преданиям. Видя, как Бутерверк, Шлегель, Симонди выводят на свет и на всеобщее восхищение провансальские фавлы и испанские песни (*romances*), видя как в Германии обставляют примечаниями и объяснениями текст «Нибелунгов», они захотели следовать за этим движением. Владимир Великий¹ сделался для них средоточием обширной рыцарской эпопеи, вроде того, как Карл Великий и Артур в средневековой поэзии Европы. Они очистили от ржавчины старые мечи и отшлифовали доспехи Ярославов и Игорей. Они собрали старательно легенды о святых, многочисленные в стране, где суеверие — явление всеобщее, народные сказки, которыми няньки усыпляют детей, а старухи коротают долгие зимние вечера. К сожалению, эти сказки не имеют других достоинств, кроме древности. Об этом можно судить и по выбору, который сделал Пушкин. Это бродячее

¹ Владимир назван здесь великим, вероятно, по аналогии с Карлом. Возможно и то, что автор не понял титула «великий князь».

ALEXANDR SERGEJEWITSCH PUSCHKIN

MAERCHEN VOM ZAREN SAITAN VON SEINEM SOHN,
DEM KÜHNREICHEN UND MÄCHTIGEN HELDEN
FUERSTGWIDON SAITANOWITSCH UND VON DER
WUNDERSCHOENEN ZARENTOCHTER SCHWAN.

Гравюра на дереве Ф. Эмке к немецкому изданию «Сказки о царе Салтане». (Изд. «Эйфорион-Ферлаг», Берлин, 1921 г.)

Литография Л. Пазетти к «Путешествию в Арзрум»

рыцарство, эти грозные удары меча, эти башни, где стонут прекрасные пленницы, эти коварные чародеи не возбуждают в нас живого интереса, не говорят ничего нашей серьезной и положительной эпохе, не входят в поэзию, как мы ее теперь понимаем. Но не забудем, что поэзия помещена в России и находится не в тех условиях, что во Франции, что там отсутствуют свободные народные установления, прогрессивному ходу которых она могла бы следовать и от движения которых получать побуждения. Она не могла поэтому притязать на путь философский, идейный, общественный, который предрекает европейской поэзии автор «Дум»¹. Ее единственной целью поэтому оставалось забавлять публику, легкую и невнимательную, и она была счастлива уже, если ей удавалось преодолеть равнодушие.

В «Бахчисарайском фонтане» идеи, картины, чувства, все дышит восточным ароматом. Видно, что Пушкин здесь на своем месте; узнаешь поселенца Бессарабии, одиноко гуляющего на берегах Черного моря, странника, исходившего Тавриду, где татарское владычество оставило глубокую печать на быте, нравах и памяти населения. Обитатель этих жарких и сладострастных областей, он должен был по праву испытать и описать сладостную негу и порывистые страсти этой среды. Ему именно принадлежало воскресить эти серали Востока, с их высокими стенами, молчаливыми садами, обширными залами, устланными азиат-

¹ Разумеются «Méditations poétiques» Ламартина (1820 г.).

скими коврами, залитыми духами, с толпой одалисок, которых сторожат бдительные евнухи¹.

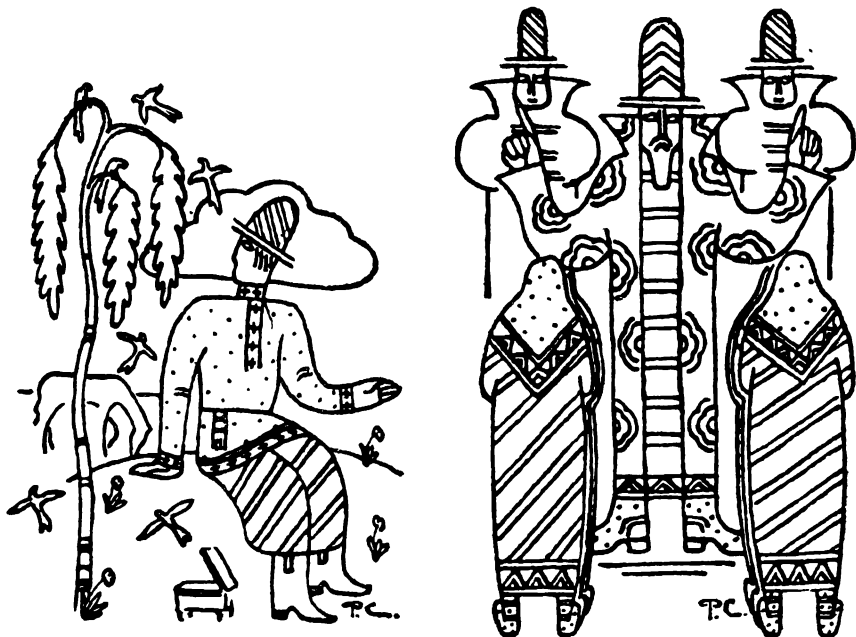
Несомненно, в сюжете предания о бахчисарайском фонтане имеется ситуация высоко драматическая; Пушкину представлялся отличный случай олицетворить в Марии и Гирее Европу и Азию, и показать торжество христианской морали и психологии над азиатским характером хана. К сожалению, Пушкин не захотел углубить сюжета подобной идеей. Он удовлетворился, по своему обыкновенно, несколькими сценами, едва очерченными, немногими характерами, только намеченными. И как только ему недоставало вдохновения, и его увлечение (*serve*) остыло, он беспечно положил перо, не заботясь о том, действительно ли вещь закончена.

«Кавказский пленник» — поэма очень короткая и содержание ее незначительно. Недостаток ее в том, что оба действующих лица поставлены здесь в положение, которому нет выхода, и наделены душевным состоянием, которое не может измениться. Апатия русского неисцелима, страсть черкешенки безнадежна, так что мы едва желаем освобождения одного, и смерть другой, не будучи необходимым исходом для такой молчаливой и неподвижной любви, удивляет нас, не огорчая. Простекающее от этого ослабление интереса к рассказу только отчасти искупается поэтическими красотою деталей и любопытными чертами нравов кавказских горцев. Пушкин, как русский, должен хорошо знать этих храбрых героев, мучеников за независимость, которые, покинувши Турцию, захваченные между Черным и Каспийским морями, защищают пядь за пядью свои ущелья, могут быть уничтожены русскими, но никогда не будут покорены.

«Евгений Онегин», последнее произведение Пушкина, не что иное, как дневник петербургского денди, т. е. самого Пушкина, так как, хотя поэт остроумно протестует в предисловии против критики, которая не преминет обвинить его в намерении дать перелицовку (*travestire*) «Чайльд-Гарольда», поэт и его герой сближаются слишком многими чертами, чтобы можно было не узнать одного в другом.

Содержание этого произведения в общем легковесно, тем не менее это шедевр Пушкина, так как является одновременно самой полной и яркой характеристикой как человека, так и поэта Пушкина. Простое и захватывающее действие, гибкий и легкий слог, остроумные выходы — вот что отличает его на каждом шагу. Видно, что поэт не выдумывает, а передает действительные черты, обращаясь всюду к собственным впечатлениям и воспоминаниям, изображает свои страсти, выводит на сцену себя, всю свою жизнь — и притом с увлечением, просто и добродушно. Свет, который он описывает, он его видел, посещал, был его героем и жертвой; этих женщин он знал, любил и бросал. И его признания тем более непосредственны, его проявления тем живее и откровенности тем интимнее и дикийнее, что он делает их не от собственного имени.

² Весь этот абзац исходит из наивных предпосылок автора, не имеющего представления ни о Бессарабии и Крыме, ни о жизни там Пушкина.

Рисунки Р. Сиротского к чешскому изданию «Царя Никиты»

Нельзя, пожалуй, признать за Пушкиным той могучей изобретательности, глубины чувств, смелости образов, ширины и серьезности взглядов, которые отличают гения. Каждый сюжет, который он избирает, это для него только основа, на которой он охотно вышивает блестящие варианты, прихотливые фантазии. Но стиль обеспечивает ему бессмертие. Все в этом стиле полнокровно, гармонично, легко; это настоящая сальфида; его периоды округляются, балансируют, поднимаются, замирают с пленительностью, которую нельзя передать. Невольно восхищаешься его легким и грациозным полетом и забываешь требовать «большой силы и высоты». Слушаешь его сладостный и меланхолический голос и не думаешь о том, что он мог бы быть разнообразнее и шире по диапазону. Но Пушкин умер 36 лет, во всем расцвете сил, в полном блеске таланта, умер в то время, когда характер его, испытанный несчастьями, размышлением, знанием вещей и людей, казалось, претерпевал живительную перемену, когда он готов был, может быть, восполнить все, что в его произведениях было неясного и незавершенного, когда он собирался воздвигнуть себе вечный памятник, создавши памятник Петру».

Необходимо, наконец, уломянуть, о большой и очень значительной статье Мицкевича в журнале *Globe* (25 мая 1837 г.), давно известной¹.

¹ Она переведена была, например, Вяземским (собр. соч., VII, 310 сл., 1882 г.).

NET PISTOOLSCHOT

ALEXANDER
POESJKIN

Обложка голландского издания по-
вести «Выстрел». («А. А-де Стольс»,
Маастрихт)

ПРИЧА О ЦАРУ САЛТАНУ

И ВЪ ЕГОВОМ СИНУ - КЪАЗУ ГВЕДОМУ
И ПРЕКРАСНОЈ ЦАРИЦИ - ЗАБУДУ

«СЪЗНАНЕ
ИЗДАВАЧКОГ ПРАВДУЛА ЈУРИСДАНА»
Мил. А. Савицкица - Белград
3, Кал. Милошевића ул. 3.

БЕЛГРАД - ДИО.

Обложка сербского издания «Сказки
о царе Салтане». (Изд. «Привредник»,
Белград, 1934 г.)

«Промежуток времени между 1815 и 1830 годами был счастливой эпохой для поэтов. Европа, усталая от сражений и конгрессов, возносила, казалось, взоры свои к тому, что называли миром идеальным. Тогда явился Байрон и овладел в областях воображения таким же местом, каким владел Наполеон на почве положительной силы. Во время поэтического царствования его Александр Пушкин довершал образование свое в лицее. Царскоевильская молодежь нашла противоядие от иноплеменного влияния в русской поэзии, особенно Жуковского. Таким образом Жуковский начал воспитание Пушкина. Но Байрон слишком рано похитил его из этой хорошей школы и увлек надолго в фантастические пустыни и дебри романтизма. Прочтя «Корсар», Пушкин почувствовал себя поэтом. «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» (и более мелкие вещи) возбудили восторг, который трудно описать. Большая часть читателей восхищалась новизной содержания и поэтических приемов; женщины любовались глубокими чувствами молодого человека и богатством его воображения; литераторы поражались силой, изяществом и чистотой слога. Пушкин был призван первым русским писателем. Эти легкие успехи много повредили сложному развитию его дарования. Пушкин был тогда еще юношей, великолепным, поднимающимся на высоту, но юношей. Нравственно человек созревает на Севере медленнее, чем на Западе: общественная почва не содержит тех стихий брожения, какими полна почва старой Европы; литера-

Гравюры: на линолеуме Л. Гомолицкого к польскому изданию «Моцарта и Сальери» и «Домика в Коломне» (Варшава)

турная атмосфера! менее заряжена электричеством страстей. Таким образом, Пушкин начал жить слишком рано, расточал свое дарование; он преждевременно взлетел на высоты, где еще не мог держаться самостоятельно. В произведениях первой его манеры все — байроновское: содержание, характеры, мысли и формы. Он скорее поработился духом любимого своего поэта, он был не столько байронистом, сколько байрониаком. Между тем, если бы не существовало Байрона, Пушкин был бы провозглашен первым поэтом своей эпохи.

Это явление предвещало на Севере великую литературную революцию; готовилась вспыхнуть борьба за классицизм и романтизм. И замечательно, что в то же время затевался политический переворот. Пушкин держался оппозиционно к Александру. Его летучие стихотворения («Кинжал» и др.) разносились в рукописях из Петербурга до Одессы; везде их читали, толковали и одобряли.

«Цыгань», а позднее «Мазепа», творения замечательные, свидетельствовали о возвышении дарования Пушкина. Содержание их неизменно и несложно, характеры хорошо постигнуты и очерчены твердой рукой, слог освобождается от романтической принужденности. Но байроновская форма, как доспехи Саула, все еще подавляет и гнетет молодого Давида. Переход к новой манере очевиден в лучшем, своеобразнейшем и наиболее национальном его создании, в «Онегине». Сначала он еще подражает английскому поэту, но вскоре становится оригинален. Разнообразное содержание и лица, введенные в роман, взяты

из действительной, частной жизни. В них есть трагические мотивы и намечаются сцены высокой патетики.

Пушкин написал также драму, которую русские ценят высоко и ставят наравне с Шекспиром. Я не разделяю их мнения. Достаточно сказать, что Пушкин был слишком чужд для воссоздания исторических личностей. Но этот опыт показывает, чего он мог бы достигнуть современем: *et tu Schakespeare eris si fata sinant*¹. Драма эта содержит подробности и целые сцены изумительной красоты. В особенности пролог кажется мне настолько оригинальным и величественным, что я его признаю единственным в своем роде.

Драма эта, как и все, что Пушкин издавал, не дает мерил его дарованию.

Казалось, он окончательно покидал чуждые области и пускал все глубже корни в родную почву. Очевидно он поддавался внутреннему преобразованию. И как человек, и как художник он готов был перейти на новую основу, которая была бы ему исключительно свойственна.

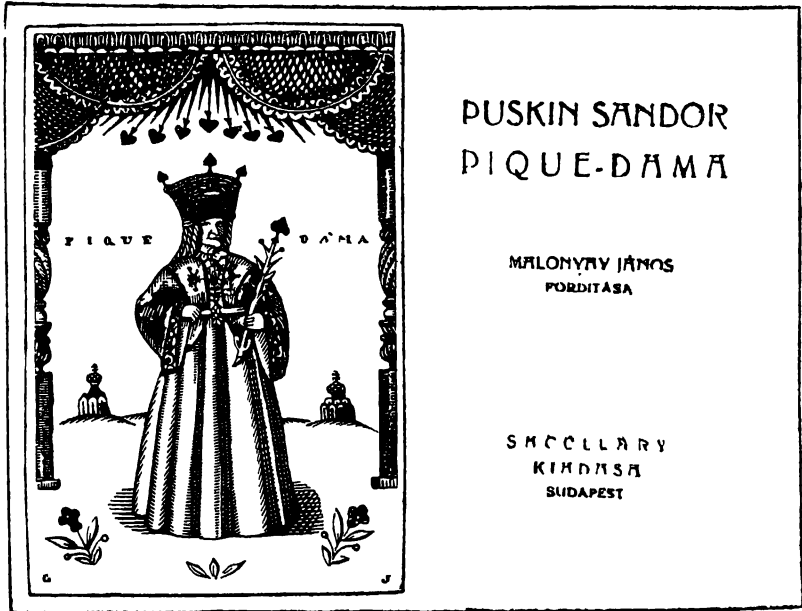
Что происходило в душе его, не знаю. Я был убежден, что в поэтическом безмолвии его таились счастливые предзнаменования для русской литературы. Я ожидал, что вскоре он явится новым человеком, в полном могуществе своего дарования, созревшим опытом. Выстрел из пистолета уничтожил все эти надежды.

Пуля, сразившая Пушкина, нанесла ужасный удар интеллектуальной России. Никто не заменит Пушкина. Только однажды дается стране произвести человека, который в такой высокой степени соединял бы столь различные и как будто исключаящие друг друга качества.

Приведенные отзывы, конечно, далеко не равноценны, но все они в том или другом отношении характерны и поучительны. Престиж России после низвержения Наполеона не вызвал в Европе непосредственного интереса к русской культуре. Россия остается в глазах Запада все еще полуварварской страной азиатского типа с деспотическим правлением. И впоследствии, в течение всего рассматриваемого периода, это отношение остается допрежнему фоном, на который проецируются и которым объясняются недостатки русской литературы: узость ее тем, легковесность содержания, отсутствие идейных и общественных установок. Очень любопытно общее впечатление подражательности русской литературы при всем признании талантливости русских поэтов и отличных качеств русского языка. Разумеется, иностранцам, знавшим нашу поэзию только в переводах, она должна была казаться более близкой к европейским образцам, чем для русской критики. Странно, однако, что в отношении Пушкина эти сближения не точнее и не конкретнее, чем делала их уже русская критика.

Правда, французский критик отмечает влияние на молодого Пушкина поэзии Парни и Шенье, но не углубляется в анализ этого влияния.

¹ Ты и Шекспиром бы стал, если б рок соизволил!

Фронтиспис И. Гроф к венгерскому изданию «Пиковой дамы». (Изд. «Саццелари Кинадасх», Будапешт, 1920 г.)

«Руслана и Людмилу» он возводит, как и английский критик, к Ариосто, не отмечая влияния Вольтера. В отношении этой поэмы любопытно, что оба критика — в противоположность Бахтину и русской оценке, и даже ранним отзывам переводчиков и «Энциклопедического обозрения» — дают о ней довольно суровый отзыв в духе общего своего суждения о русской поэзии.

Байронические поэмы Пушкина находят довольно конкретную оценку у английского критика и вообще они подвергаются обоими критиками более обстоятельному разбору. Они останавливаются отчасти на тех же моментах, которые отмечала и русская критика, например, на моменте самоубийства черешенки, чрезмерную лаконичность которого создал и сам поэт. Характеристика стиля этих поэм и «Онегина» достаточно отчетливы, чтобы передать впечатление, которое эти поэмы производили на европейский взгляд и вкус. Любопытна высокая оценка, которую дает английский критик «Полтаве», тоже в противоположность русской критике. К сожалению, «Борис Годунов» остался ему, повидимому, неизвестен, интересно было бы видеть оценку, которую он дал бы этой шекспировской, с английской точки зрения, драме Пушкина. Французский критик считает драму вообще неподходящим жанром для Пушкина, в противоположность мнению Мицкевича. Статья последнего стоит вообще особняком, и как не совсем «европейская» и как принадлежащая почти бывшему другу Пушкина. Она характерна, прежде всего,

отрицательным отношением к байронизму Пушкина, хотя сам он также испытал в свое время могучее влияние Байрона, а также специфическими надеждами, которые он возлагал на Пушкина. Напротив, европейская критика подчеркивает европейский характер поэзии Пушкина, и, если не говорить о наивных замечаниях француза об этнографическом интересе «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана» и каких-то особых правах поэта на эти темы, рассматривает его произведения совершенно независимо от его национальности, в общеевропейском плане, хотя и французский и английский критики и снабжают еще свои разборы выступлениями, которые должны подготовить читателя. Пушкин уже трактуется, как равноправный, как мировой поэт.

Материал этих критических отзывов явственно показывает как туго выходила русская поэзия на европейский горизонт и как, в сущности, впервые Пушкин открыл ей двери в мировой Пантеон.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й
Ж У Р Н А Л
ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ
КРИТИКИ
И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

К Н И Г А
ЧЕТВЕРТАЯ

Г О С Л И Т И З Д А Т

---

1 9 • А П Р Е Л Ь • 3 7